

ОСОБЫЙ ОТРЯД
/СМЕРШ/
ИГЛА

ВОЛЧЬЕЙ ТРОПОЙ

★
АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ИГЛА. Особый отряд СМЕРШ

Александр Тамоников

Волчьей тропой

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Волчьей тропой / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2026 — (ИГЛА.
Особый отряд СМЕРШ)

ISBN 978-5-04-251602-3

1943 год. В ходе войны намечается перелом в пользу Красной армии. На фронтах идут ожесточенные бои. Непокойно и в тылу: участвовавшие вылазки немецких диверсантов наносят огромный вред. Для борьбы с отборными агентами абвера в структуре СМЕРШ создается особый отряд с кодовым названием «Игла». Его командир полковник Егор Завалкаев включает туда самых проверенных и отчаянных бойцов. Первое задание – обнаружить и уничтожить действующую на территории Польши школу подготовки диверсантов. Ночью, в условиях полной секретности, группа десантируется в незнакомом районе и тут же попадает в ситуацию, предусмотреть которую было невозможно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251602-3

© Тамоников А. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Александрович Тамоников

Волчьей тропой

© Тамоников А.А., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

29 апреля 1943 года совещание у Сталина на «Ближней даче» закончилось около двух часов ночи. Комиссар госбезопасности 2-го ранга Абакумов сразу же выехал к себе в Главное управление контрразведки Смерш.

Пятеро старших офицеров, вызванные на срочное совещание в половине третьего ночи, вошли в кабинет Абакумова и удивленно переглянулись. Здесь были не все руководители отделов, а только те, кто непосредственно связан с оперативной работой. Это начальник 1-го отдела полковник Горгонов, занимавшийся агентурно-оперативной работой в центральном аппарате Наркомата обороны. Подполковник Карташев – начальник 2-го отдела, в чьи задачи входила работа среди военнопленных, проверка военнослужащих Красной армии, бывших в плену. Начальник 3-го отдела полковник Утехин, в чьи обязанности входила борьба с агентурой, забрасываемой в тыл Красной армии. Полковник Тимофеев – начальник 4-го отдела по работе на стороне противника для выявления агентов, забрасываемых в части Красной армии. Пятым был майор Збраилов – начальник 10-го отдела, который в номенклатуре управления проходил как отдел «С».

Комиссар государственной безопасности стоял возле письменного стола. Большой кабинет с обшитыми деревом стенами, несмотря на позднюю ночь, был хорошо освещен. Подчиненные хорошо знали, что Виктор Семенович любил во всем основательность. Если изучение вопроса, то до мелочей, если подготовка, то максимально тщательная. Если освещение в кабинете во время совещаний, то полное. Чтобы хорошо видеть лица, глаза подчиненных. Да и сам комиссар госбезопасности 2-го ранга выглядел внешне человеком основательным – крепкое телосложение, правильные черты лица, высокий лоб и темные волосы, гладко зачесанные назад. Взгляд внимательный, уверенный. Взгляд человека, который умеет ломать психологически, да и физически тоже. Это знали все подчиненные Абакумова.

– Прошу садиться товарищи, – комиссар госбезопасности кивнул офицерам на длинный стол для совещаний.

Совещание началось не с докладов подчиненных, а с информации, которую доложил сам Абакумов. Он снова заговорил о задачах Смерш, о структуре организации. Для начальников вызванных отделов было непонятно, почему только они пятеро сейчас находились в кабинете. Кое-что стало проясняться, когда Абакумов напомнил, что название для органов контрразведки придумал сам товарищ Сталин.

– Наша контрразведка именуется теперь Смерш, то есть «Смерть шпионам». На этом настоял сам товарищ Сталин! – Абакумов обвел присутствующих суровым взглядом. – Прошу всех помнить и учитывать это. Товарищ Сталин будет лично интересоваться работой Смерш. Наша работа шире, чем казалось раньше. Не «Смерть немецким шпионам», как предлагалось раньше назвать нашу контрразведку, не «Смерть иностранным шпионам». Всем. Любым! И нам с вами, товарищи, придется сталкиваться с разведкой не только германской. Поэтому я предлагаю не замыкаться в прошлых рамках работы армейской контрразведки, а идти вперед, предлагаю новаторство, большую гибкость в работе. Быть на шаг впереди нашего врага. Нам нужно создавать новую структуру в рамках Смерш Наркомата обороны – Особый отряд Смерш под оперативным наименованием ИГЛА.

– Отряд пройдет по десятому отделу? – деловито спросил майор Збраилов – матерый, самый опытный оперативник среди подчиненных Абакумова, только что получивший майорские погоны.

– Нет, Леонид Максимович, – покачал головой Абакумов. – Этот отряд будет выведен за структурную сетку управления, но личный состав, который мы туда наберем, останется в штате ваших отделов. Такой подход позволит нам не рассекречивать деятельность этого отряда в

текущих документах управления. Так мы сможем в значительной мере избежать утечки информации. А сейчас я вам представлю командира Особого отряда Главного управления Смерш Наркомата обороны.

Абакумов чуть наклонился к боковому столику с селектором и, нажав кнопку, осведомился:

– Полковник Завалкаев в приемной?

Сотрудники за столом переглянулись. Завалкаев? Тот самый? Егор Степанович? Так он живой? А вроде говорили, что он в Испании погиб? Или в боях во время финского похода Красной армии? Многие слышали об этом человеке, который не только стоял у истоков военной контрразведки, но и был признанным специалистом в разведывательно-диверсионной деятельности. Он развивал это направление в войсках, не только досконально изучив деятельность вражеских разведок на территории СССР, но и познакомившись с их методами на многих войнах, во время многих боевых столкновений.

Дверь открылась, и в кабинет вошел мужчина ростом выше среднего, ничем не примечательной внешности, в военном кителе с погонами полковника и двумя орденами Красного Знамени. Широкое открытое лицо, высокий лоб, зачесанные назад светлые волосы и холодные серые глаза, в которых не было ни капли эмоций.

– Товарищ комиссар государственной безопасности, – начал докладывать полковник, но Абакумов прервал его жестом руки:

– Надеюсь, представлять вам полковника Завалкаева особой нужды нет? – спросил он, обведя взглядом офицеров. – Прошу садиться, Егор Степанович. Изложите товарищам ваше видение и главное направление деятельности отряда ИГЛА, о котором мы с вами говорили.

38-летний полковник Завалкаев сразу оценил идею Абакумова, которую тот предложил две недели назад на заседании Государственного комитета обороны. В этом предложении заместителя наркома обороны и руководителя перестроенной советской военной контрразведки Завалкаев увидел то, что созревало в его собственной голове не первый год. Не выявлять на местах, не сидеть и ждать, когда в армейскую среду, в тыл тебе забросят очередного агента или группу агентов.

– Как говорят у нас в Сибири, – звучал сильный баритон полковника, – если хорь повадился кур воровать, то, сколько ты курятник не чини, он лазейку себе снова найдет. Так и в нашем деле – нужно активное боевое противостояние вражеской разведке. Хватит только ловить диверсантов, ждать их на своей территории. Нужно ликвидировать разведывательные школы, добывать документы этих школ с адресами и явками уже заброшенных агентов абвера. Уничтожать крупных разведчиков по ту сторону линии фронта, где они чувствуют себя в безопасности. Смерть им – это хорошо сказано в нашем новом названии. Такая вот война у нас – это не Халхин-Гол, не Финляндия. Тут либо существовать нам на земле, либо нет.

– Я еще добавлю к словам полковника, – вставил Абакумов. – Это мы тоже обсуждали. Нужно устанавливать предателей и пособников, особенно тех, кто участвуют в карательных операциях против советского народа, оставшегося на временно оккупированной территории, документировать преступления врага против человечности, с тем чтобы он понес ответственность не только перед советским народом, но и перед международным трибуналом. Нам нужны связи этих людей. Именно из этой среды враг черпает агентов, люто нас ненавидящих. Полковнику Завалкаеву предоставляется право отбирать в свой отряд сотрудников любых отделов и подразделений Смерш, включая и центральный аппарат. Прошу препятствий не чинить. За этим я прослежу лично.

...Уважение к полковнику – это одно, а вот отдавать своих сотрудников, своих опытных заслуженных оперативников никто не хотел. Но приказ есть приказ. И война идет уже два года. И конца и краю ей не видно.

Офицеры расходились, переговариваясь вполголоса. Но обсуждали больше сам факт, что Завалкаев, оказывается, жив и что этот человек способен на многое. Говорили о том, как Егор Степанович себя и на Дальнем Востоке проявил, и в Испании, налаживая контрразведку у республиканцев. А в зимнюю финскую кампанию он в наших тылах диверсантов ловил и за линию фронта за языками ходил. Пару диверсий, которые он организовал с обычными бойцами, а не со специально подготовленными диверсантами, удивляли самых опытных командиров. Талант был у полковника, настоящий талант. Понятно, почему Абакумов его разыскал и доверил такое важное дело.

– Вот тебе, Егор Степанович, первое задание, – заговорил Абакумов, усевшись за стол переговоров напротив полковника, когда разошлись начальники отделов. – Времени на раскачку у нас нет. Готовиться к операции будешь одновременно с подбором подчиненных.

– Я понял, товарищ комиссар госбезопасности, – кивнул Завалкаев. – Есть мысли, вспомнил кое-кого. А через опытных ребят и остальных подберу. Людей нужно много, несколько операций придется проводить одновременно, я так понимаю ситуацию. И тесный контакт с отделами нужен. Не все только силами Отряда ИГЛА придется делать. Часть вспомогательных действий будут проводить местные оперативники. А ИГЛА на самом острие операций, протистите за сравнение.

– Очень правильное сравнение, полковник, очень правильное, – согласился Абакумов. – В этом весь смысл твоего отряда. Уколы точные, смертельные, в самое сердце. Не бомбовый удар, а именно укол. И чтобы потом после него работать можно было.

Абакумов поднялся, взял со своего стола картонную папку и положил на стол перед Завалкаевым.

– Первое твое дело. Материалы посмотришь потом, а суть задания следующая. Если коротко: есть у нас пара перехваченных радиogramм, есть показания одного пленного диверсанта. Нас интересует разведшкола, которая активно готовит и забрасывает агентуру в наши дальние тылы – в основном в промышленные районы, на военные заводы. Задача – разведка, вербовка, похищение документов и диверсии. Надо этот гнойник прихлопнуть на месте, а заодно захватить их архив с адресами, паролями, явками. Они примерно полгода уже забрасывают к нам агентов. Вот и надо установить, где кто осел, по каким документам и с какими целями. Личные дела курсантов, инструкторов, преподавателей школы.

– Примерный район дислокации школы известен?

– Да, генерал-губернаторство, как они теперь величают Польшу. Примерно восточная часть Варшавского дистрикта. Бывшее Мазовецкое воеводство. Сам понимаешь, что мы туда полк парашютистов отправить не можем. Это не войсковая операция.

– Это как раз понятно, – кивнул полковник. – Немецкими разведшколами я не занимался, на оккупированных фашистами территориях не был. Поэтому, товарищ комиссар госбезопасности, на эту операцию я пойду сам.

– Ну знаешь... – возмутился Абакумов. – Я тебя сюда назначаю не для того, чтобы ты там за линией фронта с автоматом бегал. Твое дело организовать людей, потренировать, подготовить и отправить. И в короткий промежуток времени.

– Раз вы меня на такое дело назначаете, – упрямо возразил Завалкаев, – то разрешите действовать так, как мне виднее. Я отвечаю за результат операции. Мне нужно понять, как работает на оккупированных территориях немецкая администрация. Как налажена служба местной полиции, служба полевой немецкой жандармерии, частей самого генерал-губернаторства. В том числе как организована работа самой школы. Чтобы наладить работу отряда так, как вы ее видите, мне нужно сначала самому все опробовать и почувствовать. Я не могу отправлять людей незнамо куда. Будут большие потери, и в результате мы перед немцами «засветим» свои планы. Вы же опытный контрразведчик, Виктор Семенович, вы же понимаете, чем мы рискуем. Я погибну – не беда. Найдете другого толкового оперативника и организатора. А вот

«засветить» наш интерес к школам в таком масштабе – это крах всей идеи. Абвер моментально почувствует угрозу и примет контрмеры. И тогда все осложнится.

– Все равно абвер на второй или третий раз поймет, что мы школами интересуемся и уничтожаем их по тылам, – ворчливо произнес Абакумов.

– Это неизбежно, – согласился полковник. – Но до этого мы должны успеть многое сделать. Это во-первых. Во-вторых, все зависит от тактики, которую мы будем применять. И в-третьих, мне нужна помощь Пономаренко. Мне нужны данные Штаба партизанского движения, связь с отрядами. Без их помощи на местах мы будем тыкаться, как слепые котят, и терять много времени на изучение обстановки.

– Ну это ты, брат, загнул, – покачал Абакумов головой. – Это уже Польша. Хотя... связи, может, и нет, но какие-то сведения у Штаба, я думаю, есть и по партизанскому движению на территории Польши.

* * *

Полковник Завалкаев остановил выделенную ему для служебного пользования «эмку» и, открыв дверь, несколько минут любовался архитектурой усадьбы Воронцова-Дашкова. Здесь, в селе Быково Раменского района, располагалась войсковая часть № 88, о которой мало кто знал в армейских кругах. Часть здания была скрыта разросшимися деревьями и кустарником. За время войны этот исторический памятник порядком запустили. Совсем недавно здесь располагался эвакогоспиталь № 1851.

Где-то совсем рядом слышались хлесткие пистолетные выстрелы, и Егор Степанович вышел из машины. Созерцание придется отложить. Он не спал вторые сутки, и даже короткая передышка в несколько минут казалась великим благом.

Школа по подготовке разведчиков-диверсантов существовала с 1941 года и только меняла место дислокации. На полигоне шли занятия по стрельбе, и Завалкаев поспешил именно туда. Увидев темноволосого мужчину с орлиным профилем в комбинезоне, который стрелял по мишеням из трофейного пистолета, полковник обрадовался. Это был как раз тот человек, которого он искал. Пограничник, капитан Воронин! И все тот же внимательный, чуть с прищуром взгляд, тот же поворот головы и упрямо сжатые губы. В 1941-м под Смоленском он с несколькими бойцами взорвал мост на реке Хлусовке, когда по нему шла немецкая колонна, не дал врагу выйти во фланг нашей обескровленной дивизии и фактически спас положение, дал возможность закрепиться советским частям на новом рубеже. Примечательно, что он провел эту лихую операцию почти без подготовки и не потерял ни одного человека. До войны Воронин служил на западной границе заместителем начальника погранотряда по боевой подготовке, хорошо знал немецкий и польский языки.

Пограничник закончил стрельбу и, вытащив из немецкого «люгера» пустую обойму, положил ее вместе с оружием на стол. Он что-то стал говорить стоявшему рядом курсанту, показывая на «грудную» мишень в 25 метрах впереди.

Завалкаев не стал подходить к огневому рубежу и остановился поодаль. Он услышал, как Воронин недовольно проворчал что-то про большое начальство, чьи визиты мешают процессу обучения. Полковник сдержал хитрую улыбку и решительно подошел к стрелкам. Капитан вскинул руку к пилотке, чтобы доложить, как того требует устав, но Завалкаев остановил его:

– Отставить, товарищ капитан! Говорите, что присутствие начальства мешает? Что-то мне не верится, что вам это может как-то помешать, учитывая ваше мастерство. Хотите посоперноваться со мной на спор? Берем ТТ, восемь патронов, восемь ростовых мишеней. Стреляем на время. Задание: левое плечо, правое плечо, голова, сердце, левое бедро, правое бедро, левая голень, правая голень. Не боитесь?

– Из незнакомого оружия, не пристрелянного... – пробормотал курсант и тут же спохватился, нарвавшись на ледяной взгляд незнакомого полковника. – Виноват, товарищ полковник.

– Ну, виноваты не вы, а ваш инструктор, который не привил вам мысль, что на войне надо не целиться, а попадать, – сказал как отрезал Завалкаев и посмотрел в глаза капитану: – Готовы? С 25 метров! На бутылку коньяка!

Пока курсанты устанавливали в ряд восемь мишеней на расстоянии метра друг от друга, Завалкаев снял китель и повесил его на спинку стула. Он проверил принесенное оружие, закатал рукав нательной рубахи и посмотрел на соперника. Воронин спокойно стоял у своего стола. Зарядив ТТ, он положил его на стол и молча ждал, глядя на мишени. Один из курсантов протянул зажатые в пальцах кончики спичек. Воронин вытянул длинную – ему стрелять вторым. На полигоне воцарилась гробовая тишина. В кронах деревьев вдруг затрещала сорока, встрепнувшись и унеслась в сторону леса. Снова повисла тишина.

Завалкаев занял позицию, держа пистолет в опущенной руке. Прозвучала команда: «Огонь!» Вскинув руку, полковник хладнокровно начал отрабатывать «упражнение». Выстрел за выстрелом, пуля за пулей уходили в мишень. После восьмого выстрела курсант нажал кнопку секундомера и громко доложил:

– Семь ноль шесть! Оружие на стол. К осмотру мишеней!

Семь и шесть десятых секунды. Это был хороший результат – на каждый выстрел Завалкаев потратил в среднем меньше секунды. Научиться так стрелять не просто – нужно полностью изменить свое представление о стрельбе из пистолета. Именно это Егор Степанович и имел в виду, когда попрекнул курсанта тем, что на войне нужно попадать, а не целиться. Если бы он тратил драгоценные секунды на прицеливание, то на поражение мишеней ушло бы почти вдвое больше времени. Наверное, секунд на 5–7 больше, а в скоротечном огневом контакте каждая лишняя секунда может стоить жизни. Этой методике стрельбы Завалкаев научился еще до войны на Дальнем Востоке у одного старого циркача.

Весь секрет в том, чтобы научиться представлять, ощущать ствол пистолета как продолжение своей руки. Любой человек, не целясь, просто от живота может точно ткнуть пальцем в точку размером с квадратный сантиметр, нарисованную на стене на расстоянии вытянутой руки. И никому в голову не приходит прицеливаться. А тут надо просто научиться увеличивать это расстояние – точно так же «ткнуть пальцем», но на расстоянии в два метра, в пять, десять... двадцать пять. Научившись этому, можно стрелять и попадать практически из любого положения, а не только из требуемого «положения для стрельбы стоя» из наставления.

Курсанты притихли, когда один из них мелом отмечал попадания – дырки от пуль в каждой мишени. Все попадания были требуемыми, никаких «краешков» и «чуть зацепил». Воронин отнесся к результатам стрельбы полковника спокойно и, вернувшись вместе со всеми на рубеж огня, взял свой пистолет. Снова все замерли. Послышалась команда, щелкнула кнопка секундомера. Выстрел, второй, третий, четвертый и... тишина. Затвор пистолета замер в заднем положении после выброса гильзы, а у ног капитана лежала выпавшая обойма. Среди собравшихся зрителей пронесся вздох разочарования. Все знали, что у пистолета ТТ слабая защелка обоймы в рукоятке и то, что произошло сейчас, случается.

Завалкаев подошел, поднял обойму, сдул с нее песок и подал капитану.

– Ну вот случай нас и рассудил, – сказал он примирительно. – Но я не за этим приехал. Вы меня помните, Сергей?

– Помню. Под Смоленском, да? Вы тогда схватились на рокаде с группой диверсантов. Двоих, кажется потеряли?

Полковник кивнул. Вспоминать о потерях было всегда неприятно и горько. Тем более когда эти потери не по твоей вине.

Через полчаса они сидели в курсантской столовой и обсуждали предложение Завалкаева. Собственно, это было не столько предложение, сколько постановка перед фактом. Полковник

в плане подбора оперативников имел почти безграничные возможности, которые ему предоставил Абакумов.

– Такое дело, значит? – отодвинув тарелку, задумчиво произнес пограничник. – Сократить количество диверсантов, перебив большую их часть на территории врага и захватив документы на уже переброшенных. Масштабно! Только ведь с каждым разом мы будем сталкиваться с уже подготовленным к нападению врагом.

Это «мы» понравилось Завалкаеву. Капитан в душе уже принял это предложение и размышлял сейчас как член группы, как один из командиров. Все достоинства этой идеи и все риски он понимал правильно. Схватил сразу, на лету!

– Пехота каждый день поднимается в полный рост в атаку из окопов, – тихо ответил полковник. – И каждый раз враг готов к их атаке. Каждый раз готов больше, чем в предыдущий. Задача командира сводится к тому, чтобы выполнить поставленную задачу и сберечь людей, свести потери к минимуму. Но совсем их избежать невозможно. И вы это знаете, Воронин.

– Да это понятно, – махнул капитан рукой. – Вы, значит, людей подбираете. Да, понадобится много толковых бойцов. Если вы мне доверяете, то я тут присмотрел двоих для своего рейда в немецком тылу, к которому готовились.

– Ну? – Полковник откинулся на спинку стула и выжидающе посмотрел на собеседника.

– Лейтенант Митя Бакин. Год назад выпустился из института. Толковый радиоинженер. Параллельно окончил радиокурсы. Хороший радист. Со здоровьем нормально – легкой атлетикой занимался. А вторая – женщина, если вы не имеете ничего против. Это второй радист в группе. Окончила разведшколу. А вообще она учительница немецкого языка. Зовут Майя. Майя Полянская. Девушка боевая. В спортзале за время обучения показывала хорошие результаты. Программу разведшколы освоила на отлично.

– Они здесь?

– Пока в распоряжении своего начальства...

– Напиши мне данные на обоих и давай телефон начальства. Сегодня вечером они должны быть у нас.

В особом полку НКВД, на базе которого была организована разведшкола, Завалкаева встретили спокойно. Полк как полк. Разведшкола как разведшкола. После реорганизации контрразведки в Смерш таких разведшкол появилось несколько. В них готовили бойцов и командиров для заброски в немецкий тыл для разведывательно-диверсионных целей, создания партизанских отрядов.

Подозрительной показалась реакция дежурного по части, когда приезжий полковник потребовал привести к нему сержанта Ксаверия Луговича.

– Прошу прощения, товарищ полковник. – Дежурный капитан немного замялся, не зная, стоит говорить полковнику всю правду или надо как-то выкрутиться, придумать что-то, чтобы гость не узнал о происшествии. Ведь это тень на всю часть, на командира.

– Я не понял вас, товарищ капитан. – Глаза полковника окатили дежурного ледяным холодом. – Вы не поняли моего распоряжения?

– Сейчас будет доставлен, товарищ полковник! – вытянулся дежурный, явно махнув на все последствия рукой. – Сержант Лугович сейчас будет доставлен с гауптвахты.

Завалкаев ни голосом, ни мимикой не выдал своего удивления. Как будто знал обстоятельства происшествия. Или как будто его это не волновало вообще. Он продолжал смотреть на дежурного, у того в голове начал тикать хронометр. Приказы в армии принято выполнять быстро. Он схватил трубку телефона и распорядился доставить сержанта Луговича к дежурному.

Зрелище было, конечно, не самое красочное, когда перед полковником предстал небритый сержант без ремня и в солдатских ботинках без шнурков. Доложил о прибытии конвоир, которого Завалкаев сразу же отправил ждать за дверью, а сам стал разглядывать арестованного.

Крепкий, невысокий, лет тридцати пяти, глаза умные, но без упрямства. Осанка не совсем армейская, не строевая. Было в этом человеке что-то от... Завалкаев не нашел сравнения и спросил:

– За что сидим, сержант?

Полковник знал, за что. Дежурный по части рассказал во всех подробностях об этом инциденте, видимо, заняв позицию некоторой части офицеров. Сержант дал по морде начальнику медсанбата за то, что тот склонял к сожительству медсестру и угрожал ей в случае отказа. Девушка была землячкой Луговича, которая полгода лечила партизан в одном из отрядов на территории Белоруссии, прежде чем ее эвакуировали на Большую землю. Пожаловаться, попросить помощи ей было больше не у кого, кроме как у своего земляка.

Сейчас Завалкаеву было важно, что ответит сержант. Этот человек одно время по молодости работал в цирке шапито: был гимнастом, борцом на арене. Потом попал в армию и служил зенитчиком. Когда в 1939-м немцы напали на Польшу и Красная армия заняла восточные территории, фактически поделив Польшу и присоединив часть ее территорий к Украине и Белоруссии, Лугович вместе с солдатами своей части сложил оружие и в качестве военнопленного два месяца сидел в лагере, проходя проверки.

Потом его выпустили. Ксаверий попал в милицию, стал участковым в родных местах, теперь уже ставших Советской Белоруссией. После начала войны отступал вместе с частями Красной армии на восток в составе сводного батальона милиции, который наравне с другими подразделениями воевал, сдерживая фашистов.

Слыл хорошим стрелком, мастером рукопашного боя. Несколько раз вызывался добровольцем отправиться в тыл врага за языком, для чего собирал по своему усмотрению группу добровольцев и почти всегда возвращался без потерь. Немного знал немецкий язык, естественно, владел польским, как родным.

Сейчас ответ Луговича незнакомому полковнику многое скажет о его характере, его особенностях и возможном поведении во время операции. Невыдержанность, склонность к нервным срывам дорого обходятся в боевой обстановке.

– Так за что сидим, сержант? – снова повторил свой вопрос Завалкаев, видя, что Лугович не спешит с ответом.

– По заявлению офицера, что я его ударил.

– А на самом деле?

– А на самом деле, – спокойно ответил сержант, – я просто применил силу, мешая офицеру изнасиловать медсестру из вольнонаемного состава.

– Так удар был нанесен или нет? – с интересом наблюдая за сержантом, спросил Завалкаев.

– Была применена физическая сила, товарищ полковник, – упрямо ответил сержант. – Остальное есть в данных допроса, который проводился по этому делу.

Говорил Лугович спокойно. Он явно представлял себе последствия, а учитывая, что он в прошлом был сержантом польской армии, то закончиться эта история могла не просто штрафной ротой, а реальным сроком в колонии, а то и расстрелом. И очень сомнительно, что этот спокойный и рассудительный человек, обладавший явно сильным характером, мог необдуманно поступить, пойти на поводу у эмоций, действовать сгоряча. Значит, обдуманно поступил, значит, другого способа не было в тот момент, значит, пожертвовал собой из-за девушки-землячки. Мужество, самоотверженность ради товарища?

– Скажите, сержант, – Завалкаев прищурился еще больше, – а вы бы ударили офицера в другой ситуации? Ну, например, если бы он обижал ребенка, воровал при вас тушенку со склада.

– Виноват, товарищ полковник. – Лугович с удивлением посмотрел на собеседника. – Вы за кого меня принимаете? Я применю силу, если посчитаю необратимыми последствия

или явный вред для человека или для государства. Но это не значит, что я стану размахивать кулаками в любой ситуации.

«М-да, а этот человек совсем не дурак, – с удовольствием подумал Завалкаев. – Видно стремление и умение анализировать ситуацию. В этом бойце мудрости больше, чем на 35 лет. Не зря мне его предложили».

Егор Степанович подбирал людей для своей группы для конкретной операции, которую решил возглавить сам. Он понимал, что от него ждали слаженной системной работы подразделения. От него ждали умного и эффективного руководства целым направлением деятельности. Но в первый раз ему следовало сходить за линию фронта самому. Потом эти люди будут работать уже в других группах. Наверняка на роль командира группы годится и капитан Воронин. Придется подыскивать и других, потому что неизбежно придется готовить сразу несколько операций по ту и по эту сторону линии фронта, руководить ими, держать руку на пульсе.

Закончилась Сталинградская битва, идут бои на Кубани, за Новороссийск. Назревает что-то серьезное и на западном направлении, потому что немцы пачками забрасывают агентуру в тылы Юго-Западного, Воронежского, Центрального, Брянского фронтов. И надо понять, на какое направление нацелена та школа в Польше. На прифронтовую зону или на глубокий тыл?

– Вы мне нужны, Лугович, – прямо заявил полковник. – Я собираю группу для выполнения важного и опасного задания в немецком тылу. Мне бы очень не хотелось, чтобы вы согласились на это из-за того, чтобы уладить свой конфликт.

– А я готов и в штрафной роте повоевать, – серьезно ответил сержант. – Когда совесть чиста, то и живется, и воюется легко.

Завалкаев не стал ему рассказывать, что решение уже принято и по поводу того начальника медсанбата, которого переводят на другой фронт, и по поводу пострадавшей медсестры, которую переведут в подмосковный госпиталь. Ему важно было желание Луговича сражаться, рисковать жизнью, в полной мере использовать свои таланты для защиты Родины.

* * *

То, что гауптман Хайнрих Штульман, находившийся в приемно-пересыльном лагере для военнопленных № 27, не тот, за кого себя выдает, оперативники догадались не сразу. Первым уличил немецкого офицера во вранье старший лейтенант Михаил Ордынцев. Он заподозрил военнопленного в том, что тот понимает русский язык. Вторым шагом к усилению подозрений стали показания самого Штульмана. Он не знал всех командиров и офицеров штаба своего полка. По своей инициативе Ордынцев составил запрос и убедил руководство переслать его в другие лагеря, в которых могли содержаться офицеры полка, в котором воевал Штульман. Более того, в полку не знали гауптмана Штульмана, а документы пленного, как следовало из обстоятельств его сдачи, погибли вместе с обмундированием.

Тогда и родилось предположение, что Хайнрих Штульман не офицер вермахта, а диверсант, выдававший себя за офицера вермахта. То ли ему не повезло и он попал в лагерь с другими немцами, то ли, спасаясь от советской контрразведки, он специально решил попасть в лагерь, чтобы избежать разоблачения, а потом попытаться сбежать и приступить к выполнению задания, с которым его забросили за линию фронта.

Самым надежным способом разобраться в ситуации было предоставить Штульману возможность бежать. Обычному офицеру вермахта незачем скрывать знание русского языка. Ему после Сталинграда вряд ли пришло бы в голову сбежать из лагеря. Выжил – и слава богу. И пропади она пропадом такая война. Тем более что добираться к своим пришлось бы через сотни километров по освобожденной Красной армией территории.

Штульману решили подставить немецкого антифашиста Отто Клицца. Отто был солдатом в передовых частях вермахта. Он перешел на советскую сторону в ночь с 20 на 21 июня

1941 года, когда на противоположном берегу Западного Буга солдаты вермахта уже снимали заграждения из колючей проволоки. Проверяли перебежчика, утверждавшего, что он коммунист, несколько месяцев. Потом несколько раз использовали в комбинациях против немецких диверсантов, окончательно поверив *Der Rote Otto* – Красному Отто, как его меж собой называли контрразведчики.

Отто Клицш появился в лагере неделю назад. Он старательно хромал на правую ногу, передвигаясь если не с трудом, то достаточно медленно и неуклюже. Его работа заключалась в сборе и мытье грязной посуды в столовой для немецких офицеров. В советских лагерях это называлось «расконвоированный». Клицша охрана выпускала за пределы жилой зоны, где он через административную часть на тачке возил на свиноферму немногочисленные отходы.

Штульман наблюдал за солдатом-инвалидом несколько дней. Оперативники заметили интерес гауптмана к Клицшу. И вот этот день наступил. Обед закончился, одна группа офицеров покидала столовую, на ее место вот-вот должна была прийти другая. И тут гауптман в толчее между столами поймал солдата-инвалида за локоть.

– Надо поговорить, – требовательно заявил Штульман. – Ты же без конвоя ходишь по лагерю. Когда сможешь прийти к бараку номер 12?

– Только до девяти вечера, господин гауптман, – вздрогнув от неожиданности и бросив взгляд на погоны мятого офицерского кителя, ответил солдат.

– В восемь возле 12-го блока. Место для курения, – коротко бросил Штульман и ушел вслед за другими.

Около восьми вечера рядовой Клицш неспешно ковылял возле офицерских барачков с ржавым ведром, в который собирал мусор. Несколько офицеров курили возле 12-го барака под навесом, но Штульмана среди них не было. Еще минут пять возле этого барака, и нужно будет уходить, чтобы не было подозрения. Но тут к Отто подошел лейтенант со шрамом и, бросив окурок ему в ведро, негромко приказал:

– Иди в сторону туалета.

Солдат заковылял по песчаной утоптанной тропинке, которая вела между деревьями к деревянному туалету. Это сооружение поначалу шокировало немцев. Но те, кто воевал не первый день, прошел через все трудности передовой, не особенно удивлялись. Рассчитывать на что-то, кроме деревянного сарая без дверей с дощатым полом, в котором прорезаны овальные отверстия над глубокой ямой. У сарая из-за дерева вышел Штульман, схватил солдата за рукав и потащил за угол.

– Ты давно в этом лагере? – прижав Клицша спиной к старой сосне, грозно спросил офицер.

– Вторую неделю, господин гауптман... после госпиталя...

– Тебя не проверяют, ты не кажешься русским опасным. Знаешь, как сбежать отсюда? Быстро отвечай!

– Я не знаю, господин гауптман, – заволновался солдат. – Как отсюда убежать, когда на вышках солдаты, прожектора по ночам, проволокой колючей все обтянуто. Куда бежать, когда кругом русские, которые нас ненавидят. Тут и не спрячешься...

– Заткнись! – оборвал солдата Штульман. – Отвечай только на мои вопросы. В воротах тебя проверяют?

– Да, конечно. Но я редко выхожу за ворота. Я, как и все нижние чины – на солдатской территории, вон там, за мастерскими.

– Хватит болтать, – снова разозлился офицер. – Ночью между двумя рядами проволоки патрули чаще ходят, чем днем?

– Я не знаю, господин гауптман, я не смотрю на них. Я ночью сплю. Нога очень болит под вечер...

Штульман едва сдерживал раздражение. Он задавал вопрос за вопросом и постепенно выяснил, что с западной стороны лагеря, где к лесу выходят свинарники, есть болота. Не очень глубокие, это не трясина, там даже телеги проезжают. Солдат это видел. Выяснив, что Клиш бывает в мастерских, гауптман снова добился ответа, что хромой уборщик сможет стащить там ножницы по металлу или другой инструмент, которым можно перекусить проволоку.

– Принесешь три мешка из-под угля и кусачки для проволоки в следующую ночь вон туда к пожарному щиту и положишь в ящик с песком. И как только за проволокой пройдет русский патруль, дашь знать. После того как я проберусь за проволоку, перерезанный кусок тыкрепишь на месте, чтобы сразу не бросался в глаза. Понял меня, солдат? Подведешь или обманешь – мы тебя из-под земли достанем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.